

Г. С. Маслова

БЫТОВЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКЕ

В иконографии русской народной вышивки XVIII — начала XX в. значительное место занимают бытовые или жанровые сюжеты, изученные крайне слабо. Внимание ученых, занимающихся исследованием русской вышивки в советский период, в основном было направлено на выявление ее архаических пластов и раскрытие семантики древних сюжетов, связанных со славянским язычеством¹.

Специальных работ, посвященных жанровой вышивке, нет (ряд ценных наблюдений и выводов содержится в трудах о вышивке или народном искусстве в целом)², поэтому в задачи исследования входит: выявление круга основных сюжетов, определение времени и района их бытования. Необходимо также установить социальную природу этого типа вышивки, ее источники. Однако в данной статье будут лишь подведены предварительные итоги по основным вопросам исследования.

Начало интенсивного развития бытовых мотивов и сюжетов в русском декоративно-прикладном искусстве исследователи относят к XVIII в.³

Реформы Петра, внесшие изменения в общественный бытовой уклад, оказали существенное влияние и на народное искусство, в частности на вышивку, в которую наряду с древними, стойко сохранявшимися традиционными элементами интенсивно включаются новые черты, в частности усиливается значение изобразительных сюжетов бытового содержания⁴.

В первой половине XIX в. интерес к реалистическим мотивам и сюжетам по сравнению с XVIII в. заметно возрастает⁵.

Во второй половине XIX в. с началом пореформенного периода и в дальнейшем, в начале XX в., с изменением общественных отношений в России это направление усиливается и занимает значительное место в русском народном изобразительном искусстве. Датировка бытовых сюжетов и мотивов в вышивке нуждается в уточнении, так как процесс развития и распространения ее проходил по-разному в различных географических областях и социальной среде. Так, в земледельческих райо-

¹ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Труды Государственного исторического музея», вып. 1, М., 1926, стр. 7—36; Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Сов. этнография», 1948, № 1, стр. 90—106 и др.

² В. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924, стр. 106—133; В. А. Фалеева, Вышивка, «Русское декоративное искусство», М., 1963, т. 2, стр. 614—628; ее же, Вышивка и кружево, «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 67—78 и др.

³ Г. А. Малицкий, Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (в росписи и резьбе), Казань. 1923, стр. 17; М. Н. Каменская, Основные особенности русского народного искусства; «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 9 и др.

⁴ «Русское декоративное искусство», т. 2, М., 1963, стр. 618—628.

⁵ «История русского искусства», т. VIII, кн. 2, М., 1964, стр. 567.

нах, среди крестьянства, он протекал более медленно по сравнению теми районами, где вышивка стала ремеслом или промыслом.

Вышивка с бытовыми мотивами более всего связана с предметами декоративного назначения. Ею украшали полотенца, подзоры, реж-одежду, а на головных уборах она встречалась лишь как исключение. Такую вышивку выполняли строчкой (шов по письму, вырезь, строчка по плетеной сетке), тамбуром, частично гладью. Использование швов при выполнении которых не требовалось счета, давало больше возможностей вышивальщице для свободного расположения сложного узора на ткани и выполнения его в округлых плавных очертаниях.

Эти технические приемы распространяются в XVIII в. и в дальнейшем становятся основными в ремесленных и промышленных центрах а в XIX — начале XX в. широко проникли и в крестьянскую вышивку.

Бытовые сюжеты реже выполнялись двусторонним и другими «древними» швами счетной техники, так как эти швы имели свои особенности и были органически связаны с архаическими сюжетами⁶.

Вышивки с бытовыми сюжетами подразделяем на две группы. В первую входят вышивки со сложными по композиции бытовыми сценами, во вторую — со сценами, простыми по композиции, а также отдельные бытовые мотивы. Вышивки первой группы по содержанию и характеру изображаемого подразделяем на несколько подгрупп. К первой относятся сложные парковые и архитектурные пейзажи, сцены прогулок в экипажах, катание на лодках и парусных судах, сцены охоты и придворных праздников XVIII — первой половины XIX в.⁷, т. е. изображения главным образом быта господствовавших классов, видимо, выполнявшиеся по определенному социальному заказу; ко второй — сцены из жизни городского и сельского населения XIX — начала XX в.: моменты свадебного ритуала, гулянье в саду, застолье, выезд; к третьей — сложные сцены на сюжеты русских народных сказок. Работы этой группы вышивок близки к работам первой и стилистически, и многими бытовыми особенностями, а также техникой выполнения (белая строчечная вышивка: шов по письму или строчка по плетеной сетке), но изучены они наиболее слабо. На подзорах изображаются эпизоды из «Сказки о семи Семеонах»⁸. Подмечены и другие сказочные мотивы⁹. Однако эта тема ждет еще своих исследователей.

Растительные и архитектурные мотивы вышивок этой группы составляют большей частью фон, на котором разворачиваются изображаемые события. Однако нередко они играют самостоятельную роль, например изображение сложного архитектурного пейзажа и пр. Разнообразный животный мир в этих бытовых сюжетах имеет свои особенности и значительно отличается от зооморфных мотивов древнего извода. Если в узорах вышивки древнего типа олень-лось, конь, птицы (особенно водоплавающие) трактовались в прямолинейно-геометрическом стиле, то в жанровых вышивках круг зооморфных и орнитоморфных образов трактуется ближе к реалистической манере. В него включаются разнообразные домашние животные и птицы, а также представители животного мира южных экзотических стран: тигр, слон, верблюд, попугай и пр.

⁶ К архаическим мотивам и сюжетам относим изображения, связанные с язычеством: образ богини-матери или древа со всадниками по сторонам и древние зооморфные мотивы, трактованные в строгом геометрическом стиле. См. Г. С. Маслова, Русская народная вышивка как исторический источник, «Тезисы докладов на сессии истории Академии наук СССР», Л., 1969, стр. 31—34.

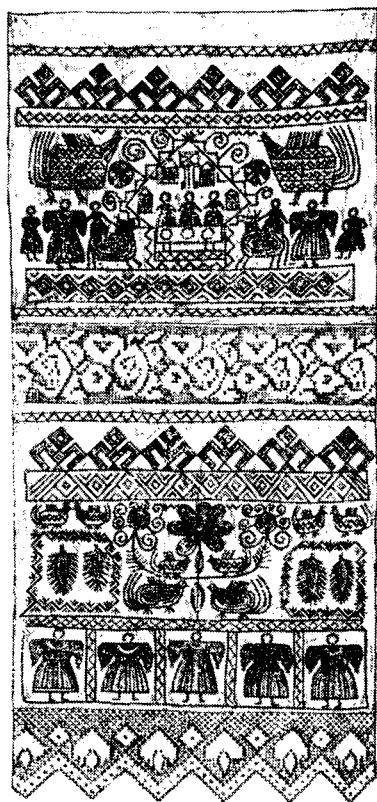
⁷ См. «История русского искусства», т. VIII, вып. 2, стр. 599, рис.; В. П. Сидamon-Эрисова, Н. П. Шабельская, Собрание русской старины, М., 1910, табл. V, 1; VI, 2; IX, 2. См. также рис. на обложке журнала.

⁸ И. А. Шляпников, Народная русская сказка и народное шитье, «Записки русского археологического общества», т. IX, вып. I—II, СПб., 1897, стр. 294—295; «Русское декоративное искусство», т. 2, стр. 624.

⁹ «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 73, 74, табл. 33.

a

b

Рис. 1. Вышивки конца XIX в. из бывш. Устюженского уезда Новгородской губернии: *a* — по кумачу, *b* — по кисейной фабричной ткани (Архив Ин-та этнографии АН СССР)

Вышивки второй группы, разнообразные по стилю и характеру, изображают бытовые сцены из жизни народа. В качестве образца рассмотрим вышивки (рис. 1*a*, *b*)¹⁰ полотенца — «занавесы», выполненные специальными мастерицами по заказу крестьян в конце XIX в. Этим полотенцем украшали избу в день свадьбы в бывшем Устюженском уезде Новгородской губернии (теперь Устюженский район Вологодской области)¹¹. Занавесу растягивали по стене над молодыми, посаженными в переднем углу избы, а концы полотенца спускались вниз. Изготавливалась занавеса из фабричного материала — миткаля, а кумачовые или белые кисейные концы с фабричным кружевом вышивали разноцветным гарусом (отчего занавесу часто называли просто — «гарус»). Вышивка на полотенцах (облегченная до предела) выполнялась односторонним стебельчатым швом и несчетной гладью. Вышивка по кумачу отличается необычайной сочностью колорита (рис. 1*a*). Вышивка на белой ткани менее яркая, но контуры узора более четкие (рис. 1*b*).

На занавесах (рис. 1*a*, *b*) выполнены две сцены в разных вариантах. Одна из них — гулянье в саду (рис. 1*a*, вверху, рис. 1*b*, внизу). Верхний

¹⁰ Рис. 2, 4*b*, 5*a*, *b* выполнены художником Н. А. Юсовым, 1*b*, 4*a* — М. Р. Симашкевич; фото 1*a* выполнено Ю. А. Аргиропуло; рис. 3*a*, табл. 3 взяты из кн.: В. Я. Яковлев, Вологодская и Ярославская народная вышивка, М., 1955.

¹¹ Полевые записи автора, 1969. Архив Ин-та этнографии АН СССР.

узор как бы делится на три части (по горизонтали): в средней — центральной осью является дерево с непропорционально большим цветком на вершине, на его ветвях и под ними — птицы, в верхнем поле — силуэты рыб. В боковых частях — фигуры женщин с детьми, в нижней части — женские фигуры, ритмично чередующиеся с изображением цветка. Вверху рисунок обрамлен традиционным орнаментом из геометризованных человеческих полуфигур. На рисунке внизу представлен вариант того же сюжета, только рыбы заключены в зубчатые квадраты, что, видимо, должно обозначать границы водоемов.

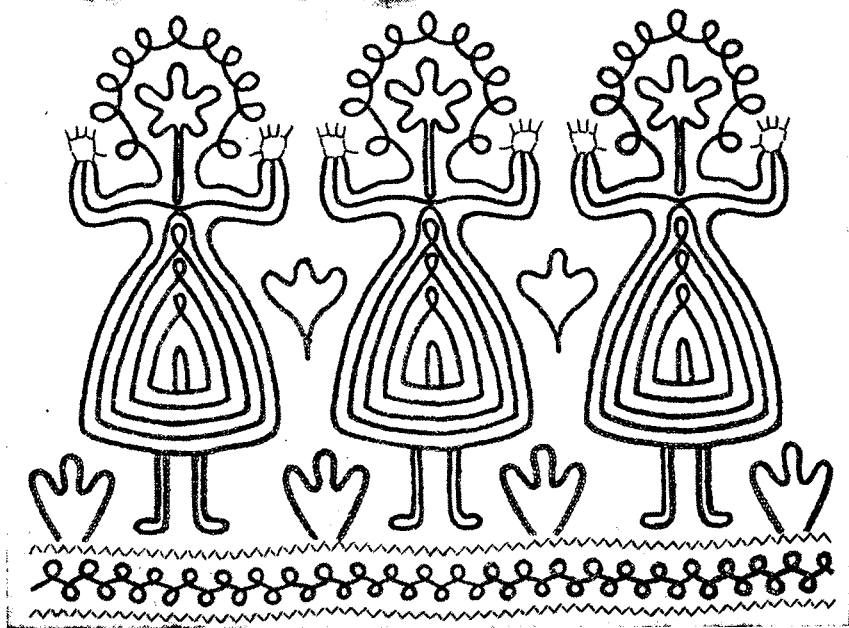
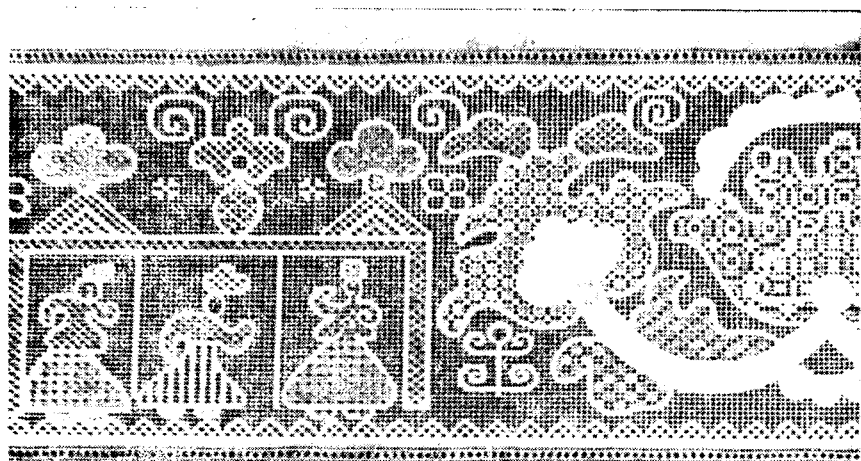

Рис. 2. Полотенце, вышитое тамбуром красной нитью. Деревня Медведево, бывш. Кирилловского уезда Новгородской губернии (Череповецкий краеведческий музей)

Содержание второй сцены (рис. 1а, внизу, и рис. 1б, вверху) расшифровать труднее. Возможно, это один из эпизодов свадебного ритуала. Налицо повествовательность в изображении: два всадника подъехали к высокому дому, а вот они же внутри его (с третьим человеком) за столом. Стол с тремя тарелками-блюдами (так условно изображено угощение) дан не в перспективе, а как бы сверху — в плане, что свойственно (как и повествовательность) старинной миниатюре. Цветы, животные и птицы выполнены условно, но некоторые бытовые детали — реалистично. Например, в контуре постройки видна изба на высоком подклете с двускатной крышей, что характерно для северной русской полосы; одежда крестьянки второй половины XIX в.: рубаха с широкими рукавами, прямой сарафан на лямках, перехваченный поясом.

Несложные по композиции вышивки на бытовые темы или отдельные бытовые мотивы очень часто сочетаются с другими узорами — с условно растительными или зооморфными, а иногда включаются в композиции более древнего типа и располагаются обычно на подзоре или конце полотенца (рис. 2). В таких случаях смысловой связи между мотивами нет, они подчинены лишь определенному орнаментальному ритму (рис. 3а и б).

а

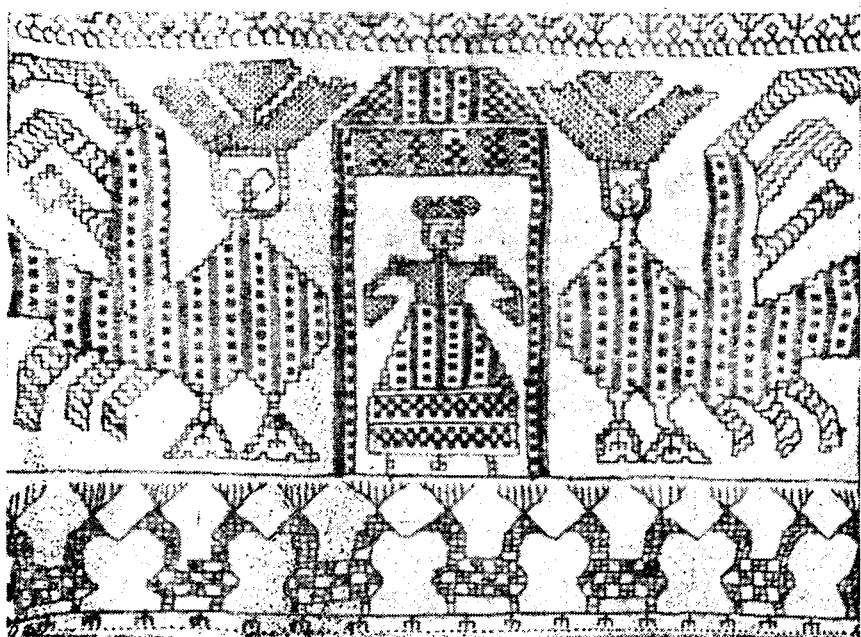

Рис. 3. Вышивки XIX в.: *а* — фрагмент вологодского подзора; шов по письму с разделкой атласниками; *б* — полотенце, вышитое двусторонним швом. Деревня Мегра, бывш. Белозерского уезда Новгородской губернии (Череповецкий краеведческий музей)

К этой группе узоров относим также изображения людей, стоящих (барыни, куклы, солдаты), сидящих или танцующих. Танец, хоровод — один из излюбленных мотивов (рис. 2). Весьма устойчивы также мотивы кареты и парусного судна, терема, башни, храма.

Сопоставление разных вариантов одного и того же мотива раскрывает смысловое значение изображаемого. Так, мотив кареты, как упоминалось, весьма част в сложных композициях, но встречается и как отдельный самостоятельный узор. Исследователи отмечали связь его с усадебным бытом. Об этом свидетельствуют изображение кареты определенного типа, с кучером, лакеем, а иногда с фореитором, костюмы мужчин и дам и т. д. Одна из вышивок (из Ярославского областного музея), выполненная строчкой с разделкой разноцветным шелком, снаб-

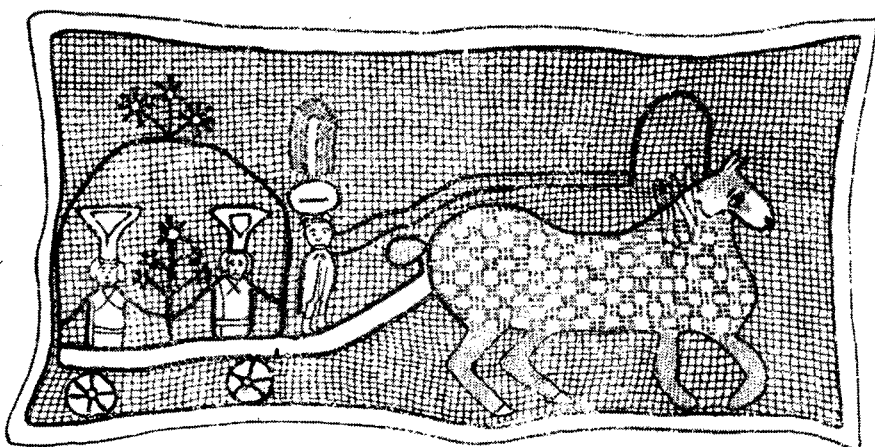
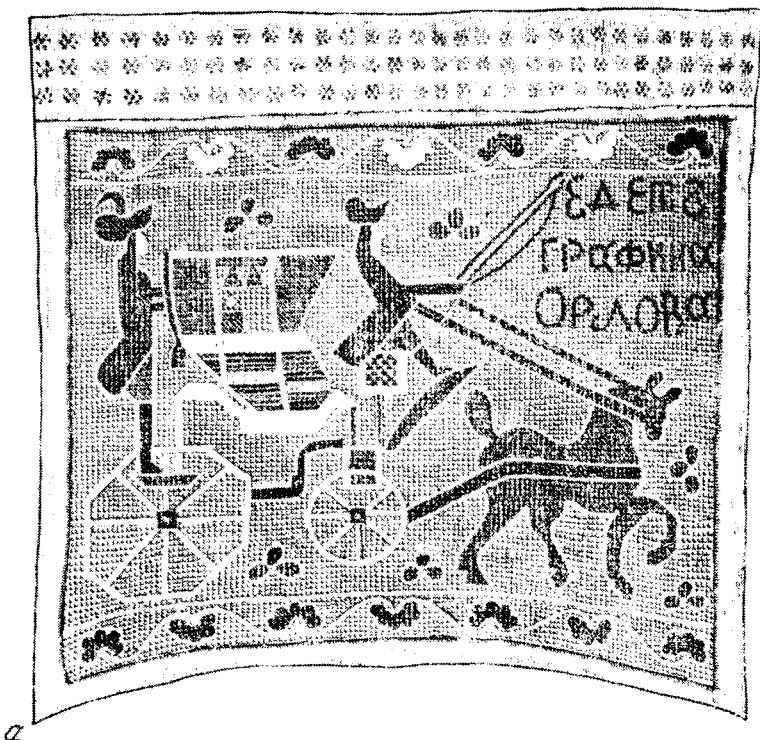

Рис. 4. Мотив кареты в ярославских вышивках; техника — строчка с разделкой раз-
 цветным шелком: а — из коллекции Ярославского областного музея, б — из коллек-
 Государственного музея этнографии народов СССР

жена надписью, определенно указывающей на изображение в ней д-
 рянского выезда. На одном конце полотенца вышиты слова: «Едет гр-
 фина Орлова» (рис. 4а), на другом — «Мария Алексиевна».

Однако далеко не всегда мотив кареты в вышивке связан с бытом и
 сподствовавших классов. На вышивке, найденной в бывшем Чухломск-
 уезде Костромской губернии и хранящейся в коллекции Гос. музея этно-
 графии народов СССР, изображена скорее городская извозчицья карета

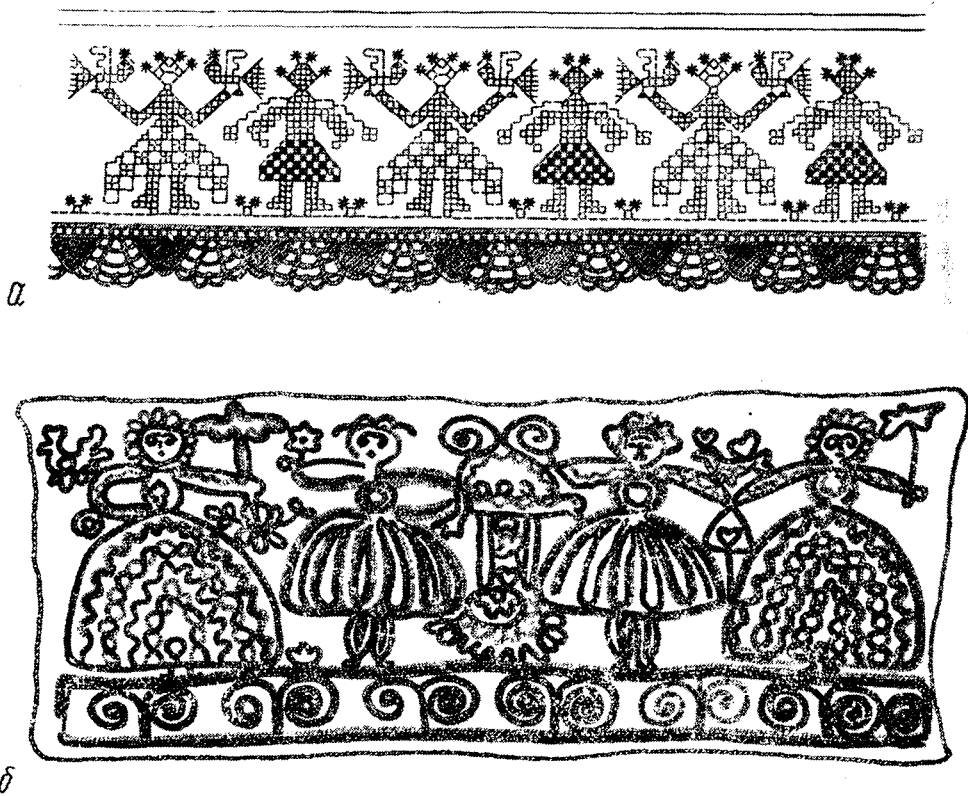

Рис. 5. Вышивка на полотенцах XIX в.: а — двусторонним швом красной нитью. Деревня Мегра бывш. Белозерского уезда (Череповецкий краеведческий музей); б — ярославская вышивка тамбуром (Государственный музей этнографии народов СССР)

мы видим извозчика, сидящего на козлах; в левой руке он держит возжи, а правой как бы приглашает сесть в экипаж (Инв. № 5501—138).

В другой ярославской вышивке, также хранящейся в ГМЭ, мотив «кареты» дан в крестьянской интерпретации, в виде крытого возка, который везет крестьянская лошадка (рис. 46).

Композиционно и стилистически бытовая сюжетная вышивка значительно отличается от вышивки «архаического» типа. В ней больше динамики в изображении людей и животных, стремление отойти от строгих, застывших поз древних мотивов. Некоторые детали на вышивках помогают определить время, социальную среду, в которой происходила та или иная из изображенных сцен. При этом сохранялась обобщенность образов, столь характерная для народного искусства.

Одна из черт сложных бытовых сцен (как уже упоминалось) — повествовательность: нередко на одном подзоре последовательно изображались судьбы героя¹². В ряде случаев бытовые мотивы проникнуты чувством юмора (рис. 5б), а иногда являются гротесковыми (подчеркнуты некоторые особенности костюма, преувеличенно галантные движения дам и кавалеров и т. д.).

Развитие бытовой сюжетной вышивки неразрывно связано с общим направлением развития народного искусства XVIII — XX вв. Ее мотивы

¹² Это неоднократно отмечали многие авторы. См., например, «История русского искусства», М., 1961, т. VI, стр. 443.

перекликаются с орнаментом резных пряничных досок¹³, ярославских прялок-теремков, резных и расписных городецких донцов¹⁴, северных росписей¹⁵, а также с образами скульптуры малых форм из дерева¹⁶, глины¹⁷ и изделий из фарфора. Вышивка имеет свою специфику. Технические возможности ее более ограничены в изображении бытовых сюжетов, чем в некоторых других видах искусства, например в росписи, жанровые сюжеты которой поистине неисчерпаемы.

Теснейшая связь изучаемого типа изобразительного фольклора с устным фольклором выражена весьма четко. Выше упоминалось о сказочных сюжетах в подзорах XVIII — первой половины XIX в. Кроме того, в конце XIX — начале XX в. в вышивках помещались фрагменты песен (которые иллюстрировались), поговорки, посвящения.

Характерные образы свадебных песен — карета и корабль¹⁸. Мотив корабля — символ счастливого, богатой жизни¹⁹. Цветущий сад, населенный птицами, высокие хоромы и многие другие мотивы вышивки также имеют параллели в образах устного поэтического творчества. По мнению В. А. Фалеевой, устное народное творчество питало воображение вышивальщиц²⁰.

Выявить, в какой социальной среде был создан тот или иной бытовой сюжет вышивки, — задача нелегкая, требующая детального исследования. Пока отметим, что в ней наряду с крестьянским творчеством сильно сказались и городское ремесленное производство. Изменения этого рода вышивки проходили в двух планах. Во-первых, в вышивки с «архаичским» сюжетом вносились некоторые бытовые детали, а затем происходило и полное переосмысление древних сюжетов. На новгородской вышивке (рис. 36), выполненной двусторонним швом красной нитью по холсту, многое сохранено от композиции древнего типа: трехчастность центральной женской фигурой, фризы — верхний — геометрический, нижний — из изображений двухголовых птиц, и т. д. Однако смысловая направленность древнего сюжета нарушена: фигуры связаны друг другом лишь орнаментально. Центральная фигура — явно жанрового характера (о чем говорят и ее поза, утерявшая торжественность, и строгость древнего образа, и платье с чертами моды сравнительно позднего времени). Вышивка на конце полотенца (рис. 5а) представляет такую трансформацию вышивки «архаического» типа. От старой основы сохранились женские фигуры, держащие птиц в поднятых руках, а фигурки с опущенными вниз руками — бытового характера: на плечах — коромысла с ведрами, а платья близки к моде XIX в. Многие вышивки на бытовых сюжетах и в конце XIX в. продолжали строить по традиционной схеме (трехчастной или в виде фриза) и переносить в них отдельные характерные детали прежних узоров. Яркий пример этого — вышивка на конце полотенца из бывшего Крапивинского уезда Тульской губернии. В центре узора — барыня, по обе стороны от нее — конные гусары. Ромбы и розетки (как это было и в композициях с женской фигурой древней

¹³ В. Воронов, Указ. раб., стр. 31, рис. 21; Резьба и роспись по дереву, «Сборника русского народного искусства». Государственный исторический музей, М., 1967, стр. 190, рис. 142.

¹⁴ Там же, стр. 186—187, рис. 140—141; рис. 126—131.

¹⁵ Г. Л. Малицкий, Указ. раб., стр. 24—39; О. В. Круглова, Жанровые росписи русского Севера, «Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника», Загорск, 1960, стр. 208, табл. 97.

¹⁶ А. А. Авсенок, Жанровые, бытовые мотивы в народной деревянной скульптуре XIX в. «Сб. трудов Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности», вып. 3, М., 1966, стр. 166—188.

¹⁷ И. Я. Богуславская, Русское народное искусство (Альбом из собр. Государственного Русского музея), Л., 1968, рис. 48—49.

¹⁸ В. Тонков, Свадебные песни и обряды г. Мезени, Казань, 1931, стр. 35, 46.

¹⁹ Н. П. Колпакова, Русская народная бытовая песня, М.—Л., 1960, стр. 106, 210.

²⁰ «Русское декоративное искусство», т. 2, стр. 624.

извода) разбросаны по свободному полю вышивки и украшают туловище коней²¹.

Подобные изменения в вышивке с бытовыми сюжетами происходили в тех местах, где она была продуктом домашней промышленности и обслуживала потребности самого крестьянства, хотя, конечно, и она не была изолирована от влияния города. Новые черты более всего прослеживаются в крестьянской вышивке конца XIX — начала XX в., выполненной тамбуром, а также крестом, где представлен несложный мир людей, домашних животных и птиц, окружавших крестьянина.

Во-вторых, процесс сильной модернизации вышивки и развитие в ней жанровой сюжетики связан главным образом с ремесленными и промышленными центрами.

Большое значение для распространения бытовой сюжетики в вышивке имел массовый печатный материал: миниатюра, лубок, гравюра и даже картинки из иллюстрированных журналов XVIII — начала XX в., из которых воспринималось наиболее близкое, понятное и затем перерабатывалось вышивальщицами в соответствии с их навыками и наблюдениями над окружающей действительностью. Жанровая сюжетька этого типа, менее связанная, а часто совсем не связанная с традициями вышивки «архаического» типа, проникла и в деревню. Многие авторы из земских деятелей второй половины XIX — начала XX в. отмечают удивительную приверженность крестьян к своим узорам, негодуя по поводу трудности внедрения в крестьянские рукоделия новых орнаментальных мотивов; все же они проникали в деревню, главным образом через создававшиеся школы рукоделия — мастерские, где крестьянские девочки получали навыки.

«География» жанровых сюжетов в вышивке иная, чем «география» ее «архаических» сюжетов. Вышивки последнего типа были распространены преимущественно на северо-западе европейской части России и в некоторых отдельных «очажках» южных областей (Калужской, Тульской, Орловской и др.). Бытовая сюжетька в вышивке несомненно связана с этими же районами (так как «архаические» сюжеты часто переходили в жанровые), но, кроме того, вышивки этого типа изотовлялись во многих городах северной и центральной России.

В XVIII — первой половине XIX в. среди бедной части женского населения городов, пригородных деревень и некоторых сел важным источником существования были занятия различными рукоделиями, в частности вышивкой. В дальнейшем (во второй половине XIX — начале XX в.) некоторые из этих ремесел замирают, другие перерастают в промысел. По обилию и разнообразию бытовых сюжетов вышивки выделяется ряд областей нечерноземной полосы России. Например, Ярославская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Горьковская, Московская и некоторые другие.

²¹ См. Л. Н. Бойкова, Тульская народная вышивка в собрании Загорского музея, табл. 100, б, «Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника», вып. 3, Загорск, 1960.